
СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ARTICLES AND REPORTS

УДК 005.334

КТО ИЗУЧАЕТ КРИЗИСЫ И РИСКИ? ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ МИРОВОЙ РИСК-АНАЛИТИКИ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются концепт *аналитика* и его концепт-переменные: аналитика управления, бизнес-аналитика, военная аналитика, информационная аналитика, политическая аналитика, правовая аналитика, риск-аналитика, социальная аналитика, социогуманитарная аналитика, стратегическая аналитика, финансовая аналитика, химическая аналитика, экологическая аналитика, экономическая аналитика и др. Указаны организационные ресурсы мировой аналитики (академические и отраслевые НИИ, информационно-аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры, «фабрики мысли», центры публичной политики и экспертные сообщества), специализирующиеся на проведении того или иного вида аналитических исследований. Обосновывается вывод о необходимости создания общегосударственного органа управления, который осуществлял бы координацию деятельности всех перечисленных организационных структур, направленной на проведение риск-аналитических исследований и разработку антикризисных программ.

Ключевые слова: концепт *аналитика*; виды аналитики; организационные ресурсы мировой аналитики.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Кто изучает кризисы и риски? Организационные ресурсы мировой риск-аналитики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:35–52.

For citation:

Shcherbin VK. Who studies crises and risks? Organizational resources of the world risk analytics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:35–52. Russian.

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru

WHO STUDIES CRISES AND RISKS? ORGANIZATIONAL RESOURCES OF THE WORLD RISK ANALYTICS

V. K. SHCHERBIN^a

^aThe Center of System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The concept *analytics* and its concept variables (analytics of management, business analytics, chemical analytics, ecological analytics, economic analytics, financial analytics, informational analytics, legal analytics, political analytics, risk-analytics, social analytics, social sciences and humanities analytics, strategic analytics, war analytics etc.) are considered in the article. The organizational resources of the world analytics (academic and sectoral institutes, informational-analytical, intellectual, situational and strategic centers, «think-tanks», centers of public policy, and expert societies), specializing on carrying out different types of analytical research, are analyzed. The conclusion is substantiated about the necessity of creation of a single state body of management which would coordinate of activities of all the above mentioned organizational structures engaged in carrying out risk-analytical research and making crisis management programs.

Key words: concept *analytics*; types of analytics; organizational resources of the world analytics.

Введение

Данная статья является продолжением поиска ответа на вопрос: кто изучает кризисы и риски? Результаты первого этапа такого поиска были изложены ранее в работе, в рамках которой анализировались почти полтора десятка научных дисциплин и отдельных научных направлений, специализирующихся на изучении кризисов и рисков (в их числе кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдиника, хоррорология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография) [1]. В отличие от перечисленных на-

учных дисциплин и отдельных научных направлений, которые группируются преимущественно вокруг того или иного рискогенного концепта, существующие в разных странах мира многочисленные организационные структуры (академические и отраслевые НИИ, информационно-аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры, «фабрики мысли», центры публичной политики и экспертные сообщества) делятся по видам выполняемой ими аналитики. В связи с этим необходимо предварительно определить концепт аналитики, а также описать понятийное содержание его концепт-переменных (видов).

Концепт аналитики и его концепт-переменные

В справочной и научной литературе приводятся следующие наиболее общие определения рассматриваемого понятия: «**Аналитика** (от греч. *analytike* – искусство анализа; англ. *analytic*) – искусство расчленения понятий, логика» [2, с. 44]; «**Аналитика** (греч. *analytikos* – искусство анализа) – в аристотелевской логике название той части логики, которая трактует об умозаключении, доказательстве, а также об определении и делении понятий» [3, с. 29]; «**Аналитика** относится к решению сложных, еще не решенных проблем (а не задач) на системном уровне, когда существующих знаний недостаточно или они исчерпали себя. При этом может происходить уточнение целей, выявление проблем, мешающих этих целей достигнуть, а также осуществляется генерация новых идей для решения выявленных проблем. Аналитика решает стратегические проблемы, актуальные в среднесрочном и долгосрочном периодах. В этом смысле стратегические решения, предлагаемые аналитиками, подчиняют себе оперативно-тактические решения, предлагаемые экспертами» [4, с. 144]; «Одно

из классических определений аналитики – приведение разрозненных сведений в логически обоснованную систему зависимостей, позволяющих дать правильную оценку как всей совокупности фактов, так и каждому из них в отдельности» [5, с. 37].

По свидетельству немецких исследователей К. Данцера, Э. Тана и Д. Мольха, основой при формировании аналитики как отдельной научной дисциплины послужила аналитическая химия: «Аналитика, еще несколько десятилетий назад бывшая исключительно аналитической химией, занятия которой рассматривались в качестве профессионального признака химика, в последнее время бурно развивалась и превратилась в самостоятельную научную дисциплину. Значение аналитических испытаний в научных исследованиях, техническом прогрессе и производстве в последние десятилетия непрерывно возрастало. Решающую роль в этом сыграл подъем тех отраслей промышленности, которые особенно нуждаются в аналитическом контроле сырья, промежуточных продуктов и конечной продукции, таких как химическая, ме-

таллургическая и металлообрабатывающая промышленность и производство полупроводниковых материалов. При этом постоянно возрастал не только объем аналитического контроля, но и требования к содержанию и качеству аналитической информации. В результате аналитика стала существенной составной частью рационализации и автоматизации производственных процессов. Химия и технические науки, физика, биология, медицина, изучение окружающей среды в своих фундаментальных и прикладных исследованиях все больше нуждаются в помощи аналитики. Поэтому в последние десятилетия был разработан или получил широкое применение целый ряд новых методов анализа, чему способствовал прогресс в области электронной измерительной техники. Все это привело к формированию аналитики в качестве относительно самостоятельной отрасли науки, что, однако, до сих пор еще не нашло выражения в целостной системе теоретических основ» [6, с. 11].

Наконец, в учебной литературе рассматриваемый концепт определяется следующим образом: «**Аналитика** – это в первую очередь исследование. <...> Ее проще осуществлять, когда анализируемая деятельность регламентирована, точно процедурно прописана. Например, регламент Европейского союза – более 100 тысяч правил, стандартов, судебных решений, что, конечно же, снижает градус полемики» [7, с. 9]. Однако, как будет показано ниже, в зависимости от области и целей применения концепта *аналитика* его понятийное содержание может видоизменяться в широком диапазоне, вследствие чего он обозначает как разные виды научной, исследовательской деятельности в различных отраслях знаний, так и конкретные отраслевые практики, образуя многочисленные концепт-переменные.

В частности, сегодня в различных отраслях знаний активно используются следующие виды аналитики (приводятся в алфавитном порядке с указанием источника, в котором они описываются):

- 1) аналитика дорожных карт развития нанотехнологий [8, с. 18];
- 2) аналитика закрытых элитных игр [9];
- 3) аналитика раннего предупреждения [10, с. 10];
- 4) аналитика управления [11, с. 97];
- 5) аналитическая геометрия [12, с. 654];
- 6) аналитическая лексикография [13, с. 127–129];
- 7) аналитическая механика [12, с. 656];
- 8) аналитическая психология [12, с. 656], психоаналитика [14, с. 44];
- 9) аналитическая философия [15, с. 14];
- 10) аналитическая юриспруденция [16, с. 43–44], правовая аналитика [7, с. 72];
- 11) библиометрическая аналитика [17; 18];
- 12) бизнес-аналитика [19];
- 13) биоаналитика [20];

- 14) веб-аналитика [21], интернет-аналитика [22];
- 15) военная аналитика [23];
- 16) информационная аналитика [24, с. 23] и ее разновидность – аналитика больших данных [25];
- 17) криптоаналитика [26];
- 18) медицинская аналитика [27];
- 19) политическая аналитика [28; 29];
- 20) прогнозная аналитика [30];
- 21) риск-аналитика [31, с. 23];
- 22) социальная аналитика [32, с. 18];
- 23) социогуманитарная аналитика [33, с. 13–14];
- 24) спортивная аналитика [34];
- 25) стратегическая аналитика [35, с. 99];
- 26) технологическая аналитика [36, с. 47–48; 37];
- 27) финансовая аналитика [38];
- 28) химическая аналитика, или аналитическая химия [6; 39, с. 96];
- 29) экологическая аналитика, или аналитическая экология [40];
- 30) экономическая аналитика [41] и др.

При этом в каждой отрасли знаний созданы соответствующие организационные структуры (государственные или общественные), которые проводят разнопрофильные аналитические исследования. В ходе таких исследований решаются самые разные задачи (оценка современного состояния данной отрасли знаний, определение ее перспектив, мегатрендов и путей развития, выявление и оценка отраслевых рисков и др.).

Знакомство с отечественной и зарубежной научной литературой, в которой представлены результаты разнопрофильных аналитических исследований, позволяет утверждать, что в их общем объеме удельный вес риск-аналитических исследований в различных отраслях знаний существенно отличается. Например, бизнес, как область профессиональных знаний, принципиально «невозможен без риска» [42, с. 151]. Более того, здесь «самый большой риск – это отсутствие риска» [42, с. 160], поскольку чем меньше риск, тем меньше прибыль. В то же время, чтобы снизить бизнес-риски, сделать их обдуманными и взвешенными, в сфере бизнеса широко используются результаты многочисленных риск-аналитических исследований. Эксперты американской консалтинговой компании *Gartner* указывали, что на рынке в настоящее время представлены аналитические продукты трех классов: *традиционная аналитика*, «реализующая алгоритмы анализа данных различной сложности и обеспечивающая консолидацию информации из различных источников, визуализацию данных, формирование отчетности»; *решения для стратегического управления* – «комплексные карты показателей эффективности, позволяющие оценивать степень достижения бизнес-целей»; *процессно-ориентированные решения*, «которые встраиваются непосредственно в бизнес-процессы и автоматизи-

зируют каждодневное, рутинное принятие решений» [19, с. 3–4].

Особенно широко используется процессный подход в сфере риск-менеджмента [43, с. 67–115]. Создана даже *операционная аналитика*, которая «используется для поддержки не стратегических и значимых, а повседневных тактических решений» [44, с. 38]. Исследователь Б. Фрэнкс отмечал: «Что еще важнее, когда аналитический процесс выведен на операционный уровень, он напрямую управляет деятельностью – не просто рекомендует те или иные действия, а непосредственно их реализует. Все вышеперечисленное и составляет суть операционной аналитики. Непосредственно реализуя решения и действия без вмешательства человека, операционная аналитика выводит интеграцию и воздействие аналитики на совершенно новый уровень. <...> Когда процесс запущен, он уже самостоятельно получает доступ к данным, осуществляет анализ, принимает решения и фактически выполняет необходимые действия. Он может выполняться тысячи и даже миллионы раз в день. После того как люди в организации осознают, что можно получать аналитику, интегрированную на таком уровне, у них часто возникает потребность в ее увеличении. В результате рождается спрос на еще большее количество аналитики и на всё возрастающем уровне сложности. В то же время наличие автоматизированной операционной аналитики создает необходимость в тщательном мониторинге процессов» [44, с. 38]. По справедливому замечанию Т. Дэвенпорта, «когда решения принимаются в режиме реального времени и без (или почти без) вмешательства человека, потребуется действительно хороший подбор аналитики и правил принятия решений, иначе можно очень быстро потерять много денег» [45, с. 21]. Таким образом, круг замкнулся: чтобы снизить бизнес-риски, широко используется сложная операционная аналитика, которая сама порождает новые бизнес-риски и необходимость их постоянного изучения аналитическими структурами.

Во многом схожая ситуация наблюдается в области *военной аналитики*. С одной стороны, утверждается, что основой серьезной военной аналитики сегодня являются теория оперативного изучения и операционный анализ, разработанные американскими исследователями еще во время Второй мировой войны: «П. М. С. Блэкетт, лауреат Нобелевской премии по физике, один из создателей теории оперативного изучения, верил в то, что он сам называл “смешанные команды”, то есть группы, которые объединяют различных ученых, анализирующих какую-либо проблему и находящих наиболее эффективное решение. В США теория оперативного изучения стала известна под названием “операционный анализ”. По словам Фреда

Каплана, “к концу войны каждое подразделение ВВС имело собственную группу операционного анализа”. Ученых просили не только собирать данные и разрабатывать новые виды оружия, но также вникать в сам ход военных действий. РЭНД (американская некоммерческая организация *Research and Development* – “Исследование и разработка”. – В. Ш.) стал лучшим воплощением такого подхода к войне» [23, с. 25–26]. С другой стороны, военными аналитиками США сегодня используются и более совершенные, комплексные методы разработки сценариев военных конфликтов: «Ранее отработанные механизмы специальных операций с финансовыми и энергетическими ресурсами сейчас дополнились концепцией микровойн, органично связанных с борьбой или же с поощрением терроризма с учетом возможности назначить в террористы любого, кто противится либеральной демократии» [46, с. 24]. Последнее с необходимостью предполагает изучение таких комплексных методов военной аналитики соответствующими организационными структурами постсоветских стран.

Целый ряд разноречивых факторов действует сегодня в области *социальной и социогуманитарной аналитики*. С одной стороны, предполагается, что, как правило, такие исследования выполняются высококвалифицированными, профессионально подготовленными социологами, для которых характерны «четкость анализа и адекватность научной коммуникации, построенных не только на логике метода научного познания – анализа, но и на принципе согласования полученных социологических данных с требованиями теории, умение разграничить объективные социологические последствия и субъективные намерения, способность отличать коренные последствия данного социального явления для различных социальных групп и для индивидуальных членов этих групп» [32, с. 18]. С другой стороны, как заметил В. А. Тишков, каждый гуманитарий, ведущий полевое исследование в рамках той или иной социальной группы, при подведении его итогов вынужден «сочетать как минимум три ипостаси: служение научной истине, политику и заботу о том, чтобы “не навредить”». При этом автор ставит важный вопрос: «Как быть, если обнародованное “чистое знание” способно нанести политический ущерб изучаемой группе? <...> При чем чаще всего эти проблемы встают перед наиболее опытными полевыми работниками и глубокими аналитиками: ведь чем тоньше и беспристрастнее анализ, тем чаще он оказывается уязвимым по этическим нормам, ибо вступает в конфликт с бытовым уровнем представлений, политическим фольклором и эмоциональным мифотворчеством интеллектуалов, господствующими в среде изучаемых групп. <...> Мы стремимся познать и по возможности помочь, но познание есть форма имплицитной

критики общепринятых представлений и оправданий существующих реалий, а значит, выводы ученого всегда будут получать свою долю неприятия и непонимания» [33, с. 13–14].

Исследователь Дж. Малган отмечал: «Внутренние ограничения имеет и аналитическое мышление того типа, которому обучают каждого молодого ученого и специалиста в области общественных наук. Аналитический подход тяготеет скорее к деконструкции проблем, чем к их созиданию; он ориентирован скорее на поиск общих моделей, чем на исключения, способные указать дорогу в будущее; он склонен скорее к комфортному применению давно известных методов к впервые возникшим проблемам, чем к использованию новых инструментов и приемов» [47, с. 226]. Снятие логических противоречий между указанными выше разноректорными факторами, действующими в области социальной и социогуманитарной аналитики, невозможно без проведения специализированных риск-аналитических исследований.

Выраженный рискогенный характер имеет ситуация, сложившаяся в области *информационной аналитики*. С одной стороны, исследователи утверждают, что «информационная аналитика – особая область профессиональной деятельности, представляющая собой информационную деятельность, которая обеспечивает преобразование, оценку и синтезирование известных сведений об объекте для получения выводного знания о нем» [24, с. 23]. В то же время Ю. М. Арский и С. П. Яшукова констатировали: «Большинство существующей ныне научной информации находится вне досягаемости обычных поисковых машин, таких как *Google*, *Yahoo* и т. п. Эта важная, но недоступная для таких поисковых систем научная информация содержится в базах данных на так называемых глубоких вебах. Научно-техническая информация, содержащаяся в упомянутых базах данных, имеет совершенно иной уровень и точность индексирования. *Google*, *Yahoo* и другие обычные поисковые машины обеспечивают индексирование и, соответственно, поиск на глубину максимум на 2–3 уровня. Современный научный поиск ориентирован на 7–9 уровней и ниже. Например, иерархический классификатор знаний ВИНТИ РАН (Всероссийский институт научной и технической информации РАН. – В. Ш.) позволяет индексировать НТИ по определенной проблеме на глубину до 15-го уровня. Методология и инструменты такого поиска в институте есть. Как подсчитали аналитики, возможно, что около 99 % всех доступных на вебах научных документов находятся в базах данных на глубоких вебах и в значительной мере недоступны обычным поисковым машинам, а значит, и ученым, и специалистам» [48, с. 17]. Следовательно, необходимо продолжить изучение информационных рисков соответствующими аналитическими структурами.

Существенные отличия наблюдаются также в использовании *стратегической аналитики* менеджерами частных компаний и сотрудниками органов государственного управления. Что касается первых, то для них стратегический анализ – это «подход, посредством которого менеджеры компании выявляют и контролируют внешние и внутренние по отношению к компании факторы, определяют возможности и угрозы внешней среды» [35, с. 99]. В свою очередь, про сотрудников органов государственного управления Дж. Малган пишет следующее: «Большинство стратегических инструментов являются сравнительно новыми. В частности, это могут быть аналитические инструменты системного мышления или логического моделирования, позволяющие обнажить взаимосвязь между теми или иными событиями, механизмы функционирования систем и последствия разного рода воздействий. ...Эти методы мышления постепенно расширяют свое влияние. Пока же сотрудники государственных ведомств используют их сравнительно редко» [47, с. 25].

Постоянно растет удельный вес риск-аналитических исследований в области *технологической аналитики*, элементы которой можно найти уже в научной литературе 1960-х гг. Например, Джон Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество», впервые опубликованной в 1967 г., не только дал наиболее широкое определение термина *техника*, но и убедительно показал, что предварительный технологический анализ лежит в основе организации современного производства: «Под техникой понимают последовательное применение научных и иных видов систематизированных знаний для решения практических задач. Наиболее важное следствие применения современной техники, по крайней мере с точки зрения экономической науки, заключается в том, что она заставляет разделить любую такую задачу на ее составные части. Таким и только таким образом можно добиться воздействия систематизированных знаний на производство» [36, с. 47].

К началу XXI столетия предметное содержание технологической аналитики еще более усложнилось: она стала включать не только анализ технологий, но и другие виды анализа (политический, экономический, социальный, экологический и пр.). Комплексный, мультидисциплинарный характер современной технологической аналитики обусловлен тем, что «в последней четверти XX в. скорость развития технологии стала превышать скорость осознания человеческим обществом причин и особенно последствий этого развития. Тот факт, что практически все социальные и политические процессы отстают от стремительно разворачивающихся экономических и технологических преобразований, существенно снижает качество принимаемых решений на всех уровнях, в том числе

и на высших уровнях субъектов власти» [37, с. 719]. Более того, исследователями было показано, что, во-первых, отдельные виды технологий (например, «природоразрушающие» [49, с. 68], «кусочные» [37, с. 442] и некоторые другие) наносят серьезный ущерб экосистемам и естественным сообществам организмов; во-вторых, использование других их разновидностей (например, «закрывающих» технологий [37, с. 336] и метатехнологий [37, с. 587]) отрицательно сказывается на развитии экономики либо дает внеконкурентные преимущества странам – разработчикам таких технологий. Под влиянием указанных выше исследований и ряда глобальных техногенных катастроф «к концу XX в. осознаются технологические риски многих продуктов научно-технического прогресса, как, например, атомных электростанций, химических заводов, генно-инженерных исследований и разработок. Все это становится предметом публичных дискуссий. <...> Всем стало очевидно, что социальные последствия, как внедрения новой техники и технологии, так и эксплуатации старой, требуют просчета рисков и разработки превентивных мер, предусматривающих не только штатные, но и нештатные ситуации» [50, с. 120, 122].

Не надеясь на государство, общественность западных стран еще в 1960–70-х гг. объединилась в рамках движения «Оценка техники» вокруг идеи о том, что «оценка существующих и вновь вводимых технических систем и процессов уже не может быть чисто технической, ибо такая оценка была бы недопустимо односторонней. Оценка техники должна иметь системный и социальный характер. Системный – потому, что всесторонность и адекватность анализа могут быть обеспечены лишь при условии, что оценка будет осуществляться в целостном контексте, включающем не только техническую, но и экономическую, социальную, политическую и прочие компоненты со всеми сложными взаимосвязями между ними. Социальный – потому, что в этом контексте определяющую роль играет именно социальная, а не техническая компонента; весь этот контекст должен рассматриваться прежде всего под углом зрения социальных проблем» [51, с. 252]. Пытаясь перехватить инициативу, «в 1969 г. конгресс США принял закон о национальной экологической политике, в соответствии с которым государственные и частные предприятия были обязаны представлять доклады о характере воздействия вводимых ими технических новшеств на окружающую среду. В 1972 г. было создано Управление по оценке техники при конгрессе США, первым директором которого стал конгрессмен Э. Даддарио, инициатор движения “Оценка техники” в США. Первоначально это движение ориентировалось на выяснение и предотвращение возможных негативных с экологической точки зрения последствий внедрения

технических новшеств, однако постепенно круг проблем, рассматриваемых этим органом, расширился, включая не только экологическую, но и социальную, этическую, политическую проблематику» [51, с. 252–253]. Таким образом, технологическая аналитика постепенно дополняется риск-аналитическими исследованиями экологического характера.

Даже в такой устоявшейся научной области, как биологическая наука, в рамках которой давно создана и активно используется биоаналитика, представляющая собой совокупность методов биоаналитических исследований [20], ставится вопрос о необходимости создания аналитических структур, изучающих биологические угрозы: «...только активная работа, направленная на реализацию всего комплекса научно-технических разработок, может обеспечить Российской Федерации как адекватный современным угрозам и вызовам уровень биологической безопасности, так и толчок к усилению международной кооперации в этой сфере. В этой связи следует отметить, что летом 2018 г. предполагается открыть первый в России мониторинговый центр, который будет заниматься сбором информации о биологических угрозах. По предварительным оценкам, стоимость проекта составит 2,2 млрд руб. Россия – одна из немногих развитых стран мира, которая до сих пор не имеет своей ассоциации или общества по биобезопасности и, как следствие, не входит в число членов Международной федерации обществ биобезопасности... хотя никаких объективных причин для такой самоизоляции нет» [52, с. 65].

Однако особенно остро сегодня стоит вопрос об изучении финансовых рисков. Несмотря на то что усилиями экономистов к настоящему времени достаточно хорошо разработана такая научная дисциплина, как *риск-аналитика*, в структуре которой наряду с прочими разделами представлен *анализ рисков* – «раздел теории управления рисками, включающий идентификацию и классификацию рисков по причинам их возникновения, определение вероятности их возникновения (степени риска) и возможных потерь (меры риска), а также выбор наиболее эффективных мер управления рисками» [31, с. 23], тем не менее дополнительно создана и активно разрабатывается *финансовая аналитика*. Она «включает качественный и количественный анализ риска, который выполняется в процессе оценки возможных финансовых потерь в абсолютном или относительном выражении. По результатам анализа характеристика риска реализации краткосрочной финансовой политики, как и долгосрочной, должна быть вариантной, максимально учитывающей особенности экономики конкретных предприятий» [38, с. 59–60].

Несмотря на существенные различия между отраслями знаний по объему проводимых в их

рамках риск-аналитических исследований, созданные в этих отраслях научно-исследовательские структуры регулярно занимаются отраслевой аналитикой, а значит, могут накапливать и данные об отраслевых рисках, которые стоит учитывать в процессе разработки антикризисных программ. Весьма показательна в этом отношении позиция академика РАН А. А. Кокошина, который при обсуждении в числе прочих проблем оценки угроз безопасности страны предлагает выделить «по крайней мере четыре сферы, которые необходимо иметь в виду, исследуя характер взаимодействия политики и науки.

Сфера первая – это сфера принятия решений государственными руководителями.

Сфера вторая – это деятельность аналитиков и политтехнологов, непосредственно работающих на государственное руководство (на политических

деятелях) – как в рамках госаппарата, так и за его пределами.

Сфера третья – это деятельность ученых, работающих на прикладных направлениях политической науки и социологии; многие из этих исследований, если они ведутся серьезно, трудозатратны и ресурсоемки. Очень большой работы квалифицированных специалистов требует, например, проведение опросов общественного мнения.

Сфера четвертая – это деятельность ученых-теоретиков, прежде всего в сфере политической и социологической теории...» [53, с. 51–52].

Автор утверждает: «Аналитики, ученые – и “прикладники”, и теоретики – обязаны опираться, возможно, на более широкий спектр данных, строго отобранных, структурированных, проанализированных (в том числе путем сопоставления)» [53, с. 57].

Анализ организационных ресурсов мировой аналитики

Количество разнопрофильных информационно-аналитических структур (их чаще всего называют «мозговые центры» (МЦ) или «фабрики мысли» (ФМ)), выполняющих аналитические исследования различных видов, сегодня столь велико, что периодически издаются специальные справочники таких центров, регулярно определяются их рейтинги: «В ходе выполнения программы (она называлась “Мозговые тресты и гражданские общества” и проводилась исследователями из Пенсильванского университета (США). – В. Ш.) к 2007 г. были обобщены данные на более чем 4,5 тыс. организаций из 126 стран, а в 2008 г. впервые издан развернутый справочник, в котором были классифицированы 5465 учреждений из 169 стран мира по типу, региону, проблематике исследований. Был также составлен рейтинг ведущих МЦ по степени их авторитетности на международной арене... В последующих ежегодных изданиях справочника содержатся данные о все большем числе организаций: в 2009 г. – 6305, в 2010 г. – 6480, в 2011 г. – 6545, в 2012 г. – 6603. При этом постоянно увеличивается число категорий, по которым составляется рейтинг аналитических организаций. Например, в последнее издание справочника были добавлены такие категории, как “лучшие МЦ мира в области энерго- и ресурсосберегающей политики”, “лучшие МЦ мира в области образовательной политики”, “лучшие некоммерческие МЦ мира” и др. К настоящему моменту рейтинги аналитических центров мира составляются по 37 номинациям. Наибольшее число аналитических центров насчитывается в Северной Америке (около 30 % всех МЦ мира) и Европе (27,8 %), 3-е место занимают МЦ Азии – 1194 (их доля в мире составляет почти 18 %)» [54, с. 4–5].

В полном соответствии с многочисленностью и многообразием созданных к настоящему времени в разных странах мира информационно-аналитических структур существенно отличаются и их названия: «В российской общественной науке чаще всего используются три наименования организаций этого типа: **мозговой центр**, **мозговой трест** и **фабрика мысли**. Принятый в российской политической науке во второй половине XX в. архаичный термин “мозговой трест” был калькой словосочетания *Brain Trust*» [55], которое ранее использовалось для обозначения государственных аналитических структур США в первой половине XX в. «Современный термин *Think Tank* возник в годы Второй мировой войны и первоначально использовался для обозначения американских и британских государственных военно-аналитических организаций, созданных в этот период. Во время войны он использовался для обозначения надежно защищенного укрытия, где ученые и специалисты в области обороны могли встречаться с военачальниками для обсуждения стратегических вопросов. После войны значение термина существенно расширилось – им стали называть различные экспертно-аналитические структуры, как государственные, так и негосударственные» [55].

Некоторые российские исследователи отдают предпочтение термину «фабрика мысли» для обозначения разного рода информационно-аналитических структур: «Термин “фабрика мысли”... который мы используем для перевода англоязычного термина *Think Tank* (другие варианты перевода – “мозговой трест” или “мозговой центр”), пока еще не является широко используемым... Этот термин возник в середине прошлого века в США и постепенно заменил термин *Brain Trust* – “мозговой

трест», который использовался преимущественно для обозначения государственных аналитических структур в первой половине XX в.» [56, с. 7]. Классическим считается определение термина «фабрики мысли», данное И. Дрором: «Фабрики мысли – острова качественного использования полноценной междисциплинарной научной мысли для глубокого улучшения процесса выработки конкретных политических практик решения стоящих перед обществом проблем, как главный мост между властью и знанием» [56, с. 9].

Наиболее известной ФМ, по мнению Н. Ютанова, «в настоящий момент является знаменитая *RAND Corporation* (США)». Это, как отмечает автор, огромная транснациональная организация, которая объединяет интеллектуальные ресурсы многих стран мира. «Задачи, которые она решает, масштабны как по вовлекаемым ресурсам, так и по временной протяженности:

- исследование текущего состояния и тенденций развития глобальной безопасности;
- краткосрочные прогнозы транспортных потоков для управления автострадами;
- сверх-интернет-исследование перспектив и потенциала второй сетевой волны, где “интеллект” вложен в объекты и материалы нашей повседневной жизни;
- сети и сетевые войны;
- военные стратегии глобального изменения климата и энергосбережения;
- проект “Тревога” – широко используемая программа по предотвращению использования наркотиков в образовательных учреждениях (признана образцовой Департаментом образования США);
- глобальные изменения в народонаселении: нарастающее давление иммиграции.

Общее число проектов только *RAND Corporation* – свыше пятисот» [57, с. 5–6].

К числу наиболее мощных американских МЦ отдельными исследователями сегодня относятся Аспенский институт, Брукингский институт, Институт Катона, Центр ближневосточных исследований, Центр политического моделирования, Центр общественной целостности, Центр по изучению прав человека, Комиссия ООН по глобальному управлению, «Форум за свободу» (*Freedom forum*), Мировой политический форум, фонд «Наследие», Гуверский институт, Международный институт стратегических исследований, корпорация «РЭНД», Институт мира США [58, с. 233].

Созданы мощные МЦ и во многих западноевропейских странах. В их числе британский Международный институт стратегических исследований, Франко-российский аналитический центр «Обсерво», Римский клуб, британский Институт Адама Смита, бельгийский Королевский институт международных отношений, Норвежский институт меж-

дународных отношений, ряд международных общеевропейских структур, например Стокгольмская сеть, объединяющая несколько десятков европейских либерально-консервативных «мозговых трестов» (www.stockholm-network.org), Европейская сеть политических институтов (*European Policy Institutes Network*), которая соединяет МЦ, исследующие процессы европейской интеграции и проводящие панъевропейские идеи (www.epin.org) [28, с. 13].

За последние десятилетия значительное развитие получила система МЦ в странах Азии. Как свидетельствует И. Н. Комиссина, до 1960-х гг. «в регионе почти не было аналитических и научно-исследовательских центров» [54, с. 7]. Первые институты, например Сингапурский институт международных отношений (1962), Институт исследований Юго-Восточной Азии в Сингапуре (1968) и Центр стратегических и международных исследований в Джакарте (1971), «создавались по образцу Королевского института международных отношений Великобритании или американских аналитических центров».

Настоящий бум возникновения МЦ в регионе начался в 1990-х гг.: «Часто они создавались непосредственно при правительстве, например Индонезийский институт наук. Филиппинский институт проблем развития был “экономическим” МЦ, созданным постановлением правительства в 1977 г. как некоммерческая правительственная корпорация. Основной сферой их деятельности была подготовка аналитической информации для правительств.

Эта практика сохранилась и в настоящее время. В большинстве стран ведущие правительственные органы (министерства иностранных дел, торговли, финансов, обороны и др.), как правило, имеют собственные МЦ, которые финансируются из бюджета конкретного министерства или ведомства. Эти центры играют важную роль в процессе выработки правительственной политики, отвечают за распространение информации, но главным образом выступают в качестве аналитического подразделения государственного учреждения. <...>

В дальнейшем, по мере роста экономической мощи государства и появления крупных компаний, аналитические центры стали создаваться и при них. Возникли частные неправительственные аналитические центры, деятельность которых финансировалась частными корпорациями. <...> Например, в Японии к их числу относятся научно-исследовательские институты, входящие в состав корпораций *Hitachi*, *Mitsubishi*, *Fujitsu*, *Canon* и др., в Южной Корее – это МЦ, аффилированные с ведущими корейскими *чеболями* (конгломератами) *LG*, *Samsung*, *Hyundai*, в Малайзии – МЦ, созданные при группах *Sunway* и *UCSI*. Исследовательская и аналитическая деятельность таких центров направлена на разработку оптимальной корпоративной стратегии,

и они не участвуют в выработке рекомендаций в области государственной политики. <...> Тематика исследовательских работ тесно связана с практическими задачами, которые решают компании. <...>

В регионе появились также независимые частные аналитические центры, такие как Институт экономических исследований, Институт азиатской стратегии и лидерства и Институт демократии и экономики в Малайзии, южнокорейские институт «Сэчжон» и Институт глобальной экономики, Новозеландский институт и Институт устойчивого будущего (Новая Зеландия), «Мозговой центр» Сингапура, Исследовательский институт проблем развития Таиланда. В последнее время наметилась тенденция к увеличению числа подобных МЦ» [54, с. 7–8, 11].

Общемировая тенденция к созданию разнопрофильных МЦ в полной мере проявилась и на постсоветском пространстве. К настоящему времени практически во всех постсоветских странах созданы информационно-аналитические структуры по типу МЦ Запада. К сожалению, сделано это было с большим опозданием и с немалыми геополитическими потерями. По мнению С. Переслегина, «деятельность американских “фабрик мысли” была все же более эффективной, нежели советских НИИ. Во всяком случае в частной задаче победы в Третьей мировой (холодной) войне... американские исследователи смогли включить свое правительство в контекст своих представлений о психологической и экономической войне, привить “лицам, принимающим решения”, вкус к моделированию и сценированию, ввести в оборот такие сильные инструменты исследований, как системный анализ, исследование операций, СВОП-анализ, техника ролевых игр» [59, с. 490].

К сходному выводу приходит и Г. Тер-Арутюнянц: «...советское руководство не придавало большого значения общественным наукам, как и в целом наукам, связанным с человеческим фактором. В этой области акцентировались чисто идеологические или, точнее, шаблонные партийные подходы, и какое-либо отклонение от этого курса было почти невозможным. Последствием такой постановки стала тупиковая ситуация, в которой оказалась сфера общественных наук и комплекс связанных с ней проблем. Это обстоятельство нужно считать одной из основных причин распада советской сверхдержавы» [60, с. 1].

Сегодня в Российской Федерации к числу организационных структур, выполняющих роль МЦ, относят следующие информационно-аналитические организации (называются в алфавитном порядке): аналитический центр информационного агентства «Постфактум», аналитический центр стратегических исследований «Сокол», Ассоциация независимых центров экономического анализа,

Всероссийский центр изучения общественного мнения, Всесоюзный институт научной и технической информации (1952), гуманитарно-политологический центр «Стратегия» (1993), Институт анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ, Институт Дальнего Востока РАН (1966), Институт Европы РАН (1987), Институт Латинской Америки РАН (1961), Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН (1956), Институт научной информации по общественным наукам РАН (1969), Институт национальной стратегии Станислава Белковского, Институт системно-стратегического анализа, Институт современного развития, Институт стратегического анализа рисков, Институт США и Канады РАН (1967), Институт экономических стратегий РАН, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Информационно-аналитический центр по мониторингу приоритетных направлений развития в области информационно-телекоммуникационных систем, компания *Clarivate Analytics*, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», Московский центр Карнеги, Независимый институт социальной политики, Российский институт стратегических исследований, Российский совет по международным делам, Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия», сектор анализа рисков и кризисов Института экономики РАН, Федеральное государственное унитарное предприятие «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации», фонд «Информатика для демократии» (ИНДЕМ), фонд «Институт социально-экономических и политических исследований» (ИСЭПИ), Фонд развития гражданского общества, фонд «Центр стратегических разработок», Фонд эффективной политики, Франко-российский аналитический центр «Обсерво», Центр глобальных и стратегических исследований Института Азии и Африки РАН, центр гражданского анализа и независимых исследований «Грани» (Пермь), Центр политконъюнктуры России Алексея Чеснокова, Центр политтехнологий, Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (недавно преобразован в Центр изучения кризисного общества), институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, Центр системного анализа и прогнозирования, Центр системного прогнозирования, Центр ситуационного анализа Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Центр современной кавказской политики (ЦСКП «Кавказ»), Центр стратегических исследований геоэкономики, Центр стратегических исследований Г. Грефа, Центр стратегических исследований МГУ имени М. В. Ломоносова, Центр стратегических исследований Приволжского фе-

дерального округа, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, Центр экономических и финансовых исследований и разработок, Экономическая экспертная группа и многие другие.

Анализируя проблематику исследований современных российских информационно-аналитических структур, М. Мейер делает следующий вывод: «Современные АЦ (аналитические центры. – В. Ш.) достаточно трудно классифицировать по сферам деятельности, поскольку процесс специализации центров не завершен. Однако очевидно, что в большинстве случаев АЦ занимаются либо политологическими исследованиями и практической социологией, либо макроэкономикой, либо проблемами безопасности» [61, с. 21]. Отдельными авторами порой приводится более широкий тематический спектр их деятельности: отмечаются такие исследования, выполненные российскими МЦ, как «Пространственное развитие России», «Человеческие течения», «Программа развития Северо-Западного федерального округа», «Пространственное расселение в СЗФО», «Геоэкономический атлас по энергетике 2000–2050 гг.» и др. [59, с. 490–491].

Вместе с тем сравнительный анализ деятельности МЦ в России и странах Запада показал, что «в России... пока не сложилось конструктивного взаимодействия между экспертным сообществом и элитой, отсутствует доверие между ними. Причина этого кроется в недостаточной распространенности стратегий диверсификации и специализации направлений исследований и источников финансирования среди российских АЦ» [62, с. 31].

К сходным выводам привело и сравнительное исследование деятельности американской корпорации «РЭНД» и советской аналитической школы, проведенное казахским политологом М. Лаумулиным: «Деятельность РЭНД считается эталонной, потому что она впервые объединила совокупность самых разнообразных методов сбора и анализа информации, выработала следующую ступень – системный подход и анализ. В стенах РЭНД был выработан такой прием, как “мозговой штурм” – оперативный метод анализа проблемы группой специалистов со всех ракурсов и поиск неадекватных и неожиданных способов ее решения.

Советской аналитической школе, которая была ориентирована на другой анализ – сохранение системы, изучение ее целостности, управление и принятие решений (но не уничтожение другой системы), практически нечего было противопоставить “мозговым атакам” из РЭНД и других центров США. В СССР таких практически и не было. В некотором смысле эту роль пытались играть такие академические учреждения, как институты США и Канады... востоковедения, Дальнего Востока, Европы и ряд других. <...> Но, судя по результату, совет-

ские “мозговые центры” проиграли американским “битву за головы”» [63, с. 3].

Наконец, Н. Бурлинова приводит в своей статье данные международного рейтинга действующих ФМ, подготовленные группой исследователей из Пенсильванского университета (США) в 2009 г.: «В ходе исследования выяснилось, что большинство “фабрик мысли” в мире приходится на страны Западной Европы (22,1 %) и Северную Америку (34,2 %). Лидером среди стран по числу исследовательских и научных центров являются США, на территории которых расположено 1777 “мозговых трестов”, из них только в одном Вашингтоне – 350. На втором месте – Великобритания, за ней следуют Германия, Франция, Аргентина и Индия. Россия занимает почетное седьмое место – в нашей стране, по данным американских исследователей, 107 исследовательских центров отвечают критериям “фабрики мысли”, из которых в исследовании упомянуты только 7: Московский центр Карнеги, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт США и Канады РАН, фонд “ИНДЕМ”, Центр политических исследований России (ПИР-центр), Институт современного развития (ИНСОП), а также Институт экономического анализа (ИЭА)» [64, с. 2].

Во многом аналогичная ситуация сложилась и в Украине, где к числу информационно-аналитических организаций, выполняющих роль МЦ, можно, на наш взгляд, отнести следующие структуры: Национальный институт стратегических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, Институт общих глобальных стратегий, Агентство гуманитарных технологий, Украинский центр экономических и политических исследований имени Александра Разумкова, Киевский национальный экономический университет имени В. Гетмана, Международный центр политических исследований (ICPS), Институт экономических исследований и политического консультирования, Украинский центр независимых политических исследований и ряд более мелких информационно-аналитических структур. Исследователи деятельности украинских МЦ, как правило, опираются на результаты международных рейтингов, составляемых в рамках проекта Пенсильванского университета «Программа по развитию “мозговых центров” и гражданских обществ» (*The Think Tanks and Civil Societies Program*) и публикуемых с 2006 г.

По данным отчета 2014 г. по глобальному анализу “мозговых центров” (*2014 Global Go To Think Tank Index Report*), «в рейтинге стран с наибольшим количеством центров Украина заняла 23-е место, располагая согласно докладу 47 “фабриками мысли”. Среди стран Центральной и Восточной

Европы Украина по количеству центров уступила России (122) и Румынии (54). Среди украинских “мозговых центров” в рейтинге ведущих аналитических центров мира (за пределами США) наиболее высокие позиции (43-е место) занял Украинский центр экономических и политических исследований имени Александра Разумкова. <...> Центр Разумкова вошел также в четверку ведущих аналитических центров Центральной и Восточной Европы, уступая Московскому центру Карнеги, польскому Центру социально-экономических исследований (CASE) и Польскому институту международных дел (PISM). <...> Помимо него, в индексе также были представлены Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетмана (КНЕУ), Международный центр политических исследований (ICPS), Институт экономических исследований и политического консультирования, Украинский центр независимых политических исследований» [65, с. 101–102].

Детальный анализ деятельности Украинского центра экономических и политических исследований имени Александра Разумкова позволил сделать вывод о том, что экспертно-аналитические структуры в Украине «неотделимы от власти или от финансовых доноров», в связи с чем «считать их экспертные заключения, аналитику, социологические опросы непредвзятыми и объективными представляется затруднительным. Украинские “фабрики мысли” не рассматривают свою миссию по производству интеллектуального продукта как средство коммуникации науки и власти. Как следствие, ангажированность и следование в русле политической конъюнктуры и целесообразности формируют широкое недоверие к “мозговым трестам” подобного рода. Отсюда и крайне низкая популярность экспертно-аналитических центров... Разрабатываемые ими прогнозы должны содержать не только анализ ситуации, но и пути решения проблем. Однако необъективность и стремление угодить своему “куратору”, “донору”, “покровителю” побуждают центры давать информацию, не всегда отражающую реальное положение дел в стране. В результате Украина не имеет в своем арсенале развитой и сильной системы аналитических центров, с помощью которых можно было идентифицировать геополитические, внутривнутриполитические, социально-экономические риски на ранней стадии с тем, чтобы содействовать разработке политики противодействия подобного рода угрозам и рискам» [65, с. 106–107].

В настоящее время немногочисленные информационно-аналитические структуры, выполняющие роль национальных МЦ и ФМ, имеются и в других постсоветских странах. Например, в Республике Беларусь это Белорусский институт стратегических исследований, Межведомственная ко-

миссия по безопасности при Совете безопасности Республики Беларусь, Общественно-консультативный совет при Администрации Президента Республики Беларусь (2009), Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (2008), Совет по развитию цифровой экономики при Совете Министров Республики Беларусь, Центр аналитических инициатив, Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, экспертное сообщество Беларуси «Наше мнение» и др.; в Республике Казахстан – Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан; в Республике Узбекистан – Институт стратегических и межрегиональных исследований; в Кыргызской Республике – Международный институт стратегических исследований; в Республике Таджикистан – Центр стратегических исследований и т. д.

К сожалению, бросается в глаза не только многочисленность постсоветских информационно-аналитических структур, но даже внешняя терминологическая стереотипность их названий (институты и центры стратегических исследований). Если судить по их названиям, то все они занимаются разработкой долгосрочных прогнозов, стратегий и т. п. Как остроумно заметил А. Филиппов, «чем более долгосрочные следствия предполагаются, тем чаще вид экспертизы принимают принципиальные позиции, продуктивность или роковая ошибочность которых обнаружатся, быть может, лишь через несколько лет и даже поколений. Судя по тому, сколько развелось в нашей несчастной стране, да и по всему миру, специалистов по стратегии, соблазн поучаствовать в безответственных играх куда как велик» [66, с. 6].

Еще одним «родимым пятном» постсоветских информационно-аналитических структур является их подчеркнутое стремление всячески «угодить» заказчику (государству, частной компании и т. д.), который оплачивает проведение аналитических исследований. Эта особенность работы отечественных аналитиков отмечалась российской прессой еще в середине 1990-х гг.: «Наука и технология дискредитируются в глазах покупателей. Они покупают ученых, думая, что купили науку. Вместо полноценного интеллектуального товара ими приобретаются услужливые человеческие существа. Безбедное существование довольно большого числа центров и служб, не брезгующих даже элементарным подлогом, объясняется как раз неразвитостью профессионального сообщества, отсутствием в нем сколько-нибудь заметной собственной идейной и организационной структуры. С одной стороны, есть несколько фирм-“грандов”, или, как пишут некоторые журналисты, “монстров”, разделивших между собой рынок консультативных услуг, с другой – большое количество мелких служб

и центров, не гнушающихся любыми, даже сомнительными заданиями, лишь бы за них платили деньги. Данные здесь поставляются по принципу «чего изволите»» [67, с. 5].

При этом наиболее выгодными проектами, например для российских МЦ, являются аналитические исследования в области экономики и политологии. По свидетельству директора Центра политической конъюнктуры России А. Чеснокова, для экспертных центров «кризис – это рост, но рост в разумных пределах», что «касается экономики и политики – количество заказов растет», а «культурологические центры – это вещь малопонятная. <...> Мы и раньше неактивно работали по публичным проектам, потому что публичные проекты не приносят основной прибыли. Так что большинство проектов, которые ведет, например, наш центр, – это закрытые проекты, и их делают непосредственно для заказчика» [68, с. 3].

В итоге только очень немногие постсоветские информационно-аналитические организации сегодня занимаются изучением кризисов и рисков. В их числе российский Институт стратегического анализа рисков (ИСАР), основные цели и задачи которого определяются его директором Л. Фроловой следующим образом: «Основная цель ИСАР – развитие и внедрение риск-ориентированного мышления, популяризация современных подходов к риск-ориентированному управлению, количественной оценке и принятию решений с учетом рисков в России и СНГ. Одна из важных задач ИСАР – системная работа по развитию дополнительного профессионального образования в области принятия решений и управления рисками» [69, с. 14]; Центр изучения кризисного общества и некоторые другие структуры.

В условиях, когда подавляющее большинство постсоветских информационно-аналитических организаций не участвуют в проведении риск-аналитических исследований, в российских СМИ все чаще поднимается вопрос о необходимости «создания полноценной системы информационной и консультационной поддержки с аутсорсингом, обеспечиваемым путем привлечения аналитических центров (в том числе институтов системы РАН-ФАНО). У российских ТНК не должно быть таких просчетов, которые совершила “Татнефть”, выбрав для заграничных инвестиций три страны – Ливию, Сирию и Украину» [70, с. 211]. Сам факт публикации в научной печати России и других постсоветских стран материалов, содержащих выводы о том, что «страна находится в удивительном внеаналитическом состоянии» [71, с. 167–168], в стране «отсутствует беспощадный анализ кризисных и застойных процессов» [72, с. 1709], «наблюдается дефицит многоаспектного контекстного аналитического подхода, способного сочетать теоретико-

концептуальную и практико-ориентированную исследовательскую работу по выявлению особенностей социальных трансформаций с установлением количественно-качественных параметров состояния и динамики российского социума по принципу *здесь и сейчас*» [73, с. 26], вынуждает руководителей академической науки постсоветских стран создавать в дополнение к уже существующим профильным НИИ еще и аналитические центры и сектора прикладного характера, занимающиеся изучением кризисов и рисков.

В частности, в настоящее время различными видами риск-аналитики занимаются как давно работающие в сфере изучения кризисов и рисков академические НИИ (Институт Дальнего Востока РАН, Институт Европы РАН, Институт Латинской Америки РАН, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примова РАН, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Институт США и Канады РАН), так и созданные совсем недавно академические структуры: сектор анализа рисков и кризисов Института экономики РАН (см., например, публикации его сотрудников [74]), сектор проблем риска и катастроф Института социологии РАН [75], Центр по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН [76], сектор исследования макроэкономических рисков Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси [77; 78] и другие академические подразделения. Как свидетельствует А. С. Крымская, «аналитические центры, созданные в структуре академии наук для предоставления экспертной поддержки государственной власти, доказали свою эффективность, которая... коренится в работе компетентных специалистов и научном подходе к анализируемым проблемам» [79, с. 1127].

Не остается в стороне от проблем изучения кризисов и рисков и научная общественность постсоветских стран, представители которой считают, что «дальнейшее развитие интернета вещей, алгоритмов работы с большими данными, лазерных резаков и 3D-принтеров создает условия, при которых интернет-сообщества и гражданская наука становятся потенциально мощным инструментом прогнозирования рисков и тестирования научно-технических идей. По-видимому, интернет-сообщества ученых-любителей могут вносить свой вклад в прогнозирование глобальных катастроф, участвуя в работе сетевых “когнитивных центров” по мониторингу рисков» [80, с. 68]. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и ведомственные информационно-аналитические структуры («мозговые», аналитические, ситуационные, стратегические центры, «фабрики мысли» и пр.), которые традиционно «заполняют критический вакуум в пространстве между академическим ми-

ром, с одной стороны, и сферой власти – с другой» [63, с. 1].

К сожалению, даже взятые в совокупности все перечисленные информационно-аналитические структуры не могут заменить соответствующие аналитические подразделения государственного аппарата, которые, обладая наивысшими статусными характеристиками в отношении решения кризисных и рискованных проблем государства, могут на самом высоком уровне координировать работу научных и организационных структур, осуществляющих риск-аналитику. Как свидетельствует академик РАН А. А. Кокошин, «фактически успех государственной промышленной политики Японии... во многом определялся интеллектуальным превосходством аналитических подразделений госаппарата, работавших в нем технократов над частнопредпринимательским сектором» [53, с. 162].

В постсоветских государствах аналитические подразделения государственного аппарата тоже

могли бы обобщать результаты деятельности всех государственных и общественных научно-исследовательских и информационно-аналитических структур, ориентированных на борьбу с кризисами и рисками, если бы удалось объединить такие аналитические подразделения в рамках единого государственного органа управления, имеющего соответствующие полномочия для осуществления координации риск-аналитических исследований и разработки антикризисных программ. Во всяком случае создание такого единого государственного органа, несомненно, устранило бы основания для разговоров о том, что «в стране не прослеживается тенденция к трезвому, разностороннему анализу того, что происходит у нас на самом деле. Оценки экономической ситуации в России крайне противоречивы. Эксперты говорят о назревающем коллапсе экономики, а политики утверждают, что мы вступили в полосу несомненного развития. Кому верить?» [81, с. 11].

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать определенные выводы.

1. Организационные ресурсы мировой риск-аналитики сегодня составляют более шести тысяч организационных структур (академические и отраслевые НИИ; информационно-аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры; «фабрики мысли»; центры публичной политики и экспертные сообщества), которые спе-

циализируются на проведении различных видов риск-аналитики.

2. Для каждого постсоветского государства сегодня крайне актуальным является создание единого общегосударственного органа, который осуществлял бы координацию деятельности всех национальных организационных структур, занимающихся проведением риск-аналитических исследований и разработкой антикризисных программ.

Библиографические ссылки

1. Щербин ВК. Кто изучает кризисы и риски? Научные ресурсы мировой риск-аналитики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:35–47.
2. Королев МИ. *Экономика. Риски. Защита* [словарь-справочник]. Москва: Анкил; 2008.
3. Кондаков НИ. *Логический словарь*. Москва: Наука; 1971.
4. Рыжов ВА. Аналитика и экспертиза в информационном обществе. *Экономические стратегии*. 2018;2:140–155.
5. Белоусов Д. Аналитика в таможенном деле. *Таможенный вестник*. 2014;1:36–37.
6. Данцер К, Тан Э, Мольт Д. *Аналитика. Систематический обзор*. Москва: Химия; 1981.
7. Тереня ГВ. *Введение в аналитику*. Минск: Бонем; 2015.
8. Терещенко СС. Роль информационной и аналитической инфраструктуры в разработке и реализации стратегий развития науки. *Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы*. 2016;11:12–19.
9. Кургинян СЕ. *Слабость силы. Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания*. Москва: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр»; 2007.
10. Черенков ВИ. Предисловие к русскому изданию. В: Джиллад Б. *Конкурентная разведка. Как распознавать внешние риски и управлять ситуацией*. Санкт-Петербург: Питер; 2010. с. 5–10.
11. Дин М. *Правительственность: власть и правление в современных обществах*. Москва: Дело; 2016.
12. Осипов ЮС, редактор. *Большая российская энциклопедия*. Т. 1. Москва: Большая российская энциклопедия; 2005.
13. Щербин ВК. Структура современной славянской концептографии. В: Пименова МВ, Теркулов ВИ, редакторы. *Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке* [коллективная монография к 80-летию юбилею профессора В. В. Колесова]. Киев: Издательский дом Д. Бурого; 2014. с. 110–135.
14. Овчаренко ВИ. Аналитик. В: Овчаренко ВИ, Грицанов АА, редакторы. *Психоанализ: новейшая энциклопедия*. Минск: Книжный дом; 2010. с. 44.
15. Боррадори Дж. *Американский философ: беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном*. Москва: Дом интеллектуальной книги; 1998.
16. Жуковская НЮ. Аналитическая юриспруденция. В: Сухарев АЯ, редактор. *Российская юридическая энциклопедия*. Москва: Инфа-М; 1999. с. 43–44.

17. Маршакова-Шайкевич ИВ. *Россия в мировой науке. Библиометрический анализ*. Москва: Институт философии РАН; 2008.
18. Иванов ВВ, Маркусова ВА, Миндели ЛЭ. Государственные инвестиции и публикационная активность вузов: библиометрический анализ. *Вестник Российской академии наук*. 2016;86(7):611–619.
19. Gartner о роли аналитики. *Инновации в технологиях и бизнесе*. 2012;1:3–4.
20. Юркова ИЛ. *Биоаналитика*. Минск: БГУ; 2017.
21. Редькина НС. Направления развития инструментов веб-аналитики. *Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы*. 2017;5:5–10.
22. Щербаков АЮ. *Интернет-аналитика: поиск и оценка информации в web-ресурсах*. Москва: Книжный мир; 2012.
23. Абелла А. *Солдаты разума*. Москва: Эксмо; 2009. Совместное издание с «АСТ».
24. Соколов АВ, редактор. *Аналитико-синтетическая переработка информации*. Санкт-Петербург: Профессия; 2016.
25. Эйден Э, Мишель Ж-Б. *Неизвестная территория: как «большие данные» помогают раскрывать тайны прошлого и предсказывать будущее нашей культуры*. Москва: АСТ; 2016.
26. Расторгуев С, Чибисов В. *Цель как криптограмма. Криптоанализ синтетических целей*. Москва: Издательство агентства «Яхтемен»; 1996.
27. Шарачиев ЮТ. Научные медицинские журналы: история становления и проблемы развития в Беларуси. *Медицинские новости*. 2008;5:11–18.
28. Войтоловский ФГ. Производство интеллектуального пространства мировой политики [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://gtmarket.ru/library/articles/1560>.
29. Иванов ДЮ. *Формирование политической аналитики негосударственных аналитических центров в современной России* [диссертация]. Санкт-Петербург: [б. и.]; 2013.
30. Сидельников ЮВ, Шалышкин МИ, Шевыренко МЮ. Обзор зарубежных сценарных прогнозов и форсайтов: инструменты информационного управления. *Управление большими системами*. 2014;51:26–59.
31. Поршнев АГ, Кибанов АЯ, Гунин ВН, редакторы. *Управление организацией* [Энциклопедический словарь]. Москва: Инфа-М; 2001.
32. Дмитриев ЕИ. Аналитик. В: Данилов АН, редактор. *Социологическая энциклопедия*. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі; 2003. с. 18.
33. Тишков ВА. Советская этнография: преодоление кризиса. *Этнографическое обозрение*. 1992;1:5–20.
34. Занковец ВЭ. *Энциклопедия тестирований*. Москва: Спорт; 2016.
35. Маркова ВД, Кузнецова СА. *Стратегический менеджмент: понятия, концепции, инструменты принятия решений*. Новосибирск: НГУ; 2010.
36. Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. Москва: Прогресс-Традиция; 1969.
37. Мазур ИИ, Чумаков АН, редакторы. *Глобалистика* [энциклопедия]. Москва: Радуга; 2003.
38. Астраханцева ИА, Коюпченко ИН. Финансовая аналитика риск-менеджмента: обобщение и развитие опыта. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2015;25:55–67.
39. Егоров ВВ, Рахманько ЕМ. Аналитическая химия. В: Пашков ГП, редактор. *Республика Беларусь* [энциклопедия]. Т. 2. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі; 2006. с. 96.
40. Данилов-Данильян ВИ, Лосев КС, редакторы. *Экологическая энциклопедия*. Т. 1. Москва: Энциклопедия; 2014.
41. Яковлев А, Фрейнкман Л, Золотов А. Сектор экономической аналитики в России: эволюция и перспективы развития. *Вопросы экономики*. 2015;8:73–98.
42. Йоханссон Ф. *Эффект Медичи: возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур*. Москва: И. Д. Вильямс; 2008.
43. Фомичев АН. *Риск-менеджмент*. 5-е издание. Москва: Дашков и К; 2018.
44. Фрэнкс Б. *Революция в аналитике: как в эпоху Big Data улучшить ваш бизнес с помощью операционной аналитики*. Москва: Интеллектуальная литература; 2017.
45. Дэвенпорт Т. Предисловие автора. В: Фрэнкс Б. *Революция в аналитике: как в эпоху Big Data улучшить ваш бизнес с помощью операционной аналитики*. Москва: Интеллектуальная литература; 2017. с. 19–22.
46. Агеев А, Логинов Е. Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего. *Экономические стратегии*. 2014;6–7:16–33.
47. Малган Дж. *Искусство государственной стратегии: мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2011.
48. Арский ЮМ, Яшукова СП. Методические аспекты информационно-аналитического обеспечения прогнозов научно-технологического развития. *Научно-техническая информация. Серия 1*. 2010;8:14–18.
49. Данилов-Данильян ВИ, Лосев КС. *Экологический вызов и устойчивое развитие*. Москва: Прогресс-Традиция; 2000.
50. Бехманн Г, Горохов ВГ. Социально-философские и методологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе. *Вопросы философии*. 2012;7:120–132.
51. Порус ВН. «Оценка техники» в интерпретации западных философов и методологов. *Философия и социология науки и техники*. 1987 [ежегодник, 1987]. Москва: Наука; 1987. с. 249–275.
52. Завриев СК, Колесников АВ. Риски и угрозы в сфере биобезопасности: анализ проблем и поиск решений в современных условиях. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015;9:57–68.
53. Кокошин АА. Технократия, технократы и неотехнократы. Москва: ЛКИ; 2009.
54. Комиссина ИН. Научные и аналитические центры стран Азии [справочник]. Москва: Издательство РИСИ; 2013.
55. Войтоловский ФГ, Бернштейн ВС, Симонов АН. Аналитический центр [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7296>.
56. Балаян АА, Сунгуров АЮ. *Фабрики мысли: международный и российский опыт*. Санкт-Петербург: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ; 2014.

57. Ютанов Н. Междисциплинарные мануфактуры и интеллектуальный конвейер. В: Диксон П. *Фабрики мысли*. Москва: АСТ; 2004. с. 5–6.
58. Солодовников С, Черныш С. Мозговые центры Запада. *Наш современник*. 2008;12:233–237.
59. Переспегин С. «Умные танки» в обороне и наступлении. В: Диксон П. *Фабрики мысли*. Москва: АСТ; 2004. с. 488–505.
60. Тер-Арутюнянц Г. О «мозговых центрах» [дата обращения: 02.05.2018]. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2597&print=Y.
61. Мейер М. Аналитические центры в системе российской демократии [дата обращения: 02.05.2018]. URL: http://old.russ.ru/antolog/predely/1/iz_knigi.htm.
62. Беляева НЮ, Зайцев ДГ. «Мозговые центры» в России и странах Запада: сравнительный анализ. *Мировая экономика и международные отношения*. 2009;1:26–35.
63. Лаумулин М. Пораскинули мозгами... Кто и где на Западе и на Востоке изучает ЦентрАзию. *Континент*. 2005;2:1–7 [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA/php?st=1108171020>.
64. Бурлинова Н. Чьи «фабрики мысли» круче? *Столетие* [интернет-газета] [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://www.stoletie.ru/print.php?ID=33413>.
65. Курылев КП, Гаврикова КВ, Поспелова ЕА. Экспертно-аналитические центры на Украине: характер и особенности. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. 2015;15(3):99–109.
66. Филиппов А. Участь эксперта. *Отечественные записки*. 2003;1:1–7 [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://www.strana-oz/2003/1/uchast-eksperta>.
67. Ионин Л. Технологии успеха. Без политических аналитиков и консультантов выборы в России теперь не играть. *Независимая газета*. 5 июля 1996:5.
68. Преображенский И. «Мозговые центры» под замком [дата обращения: 02.05.2018]. URL: www.rosbalt.ru/maim/2009/04/10/632818/html.
69. Фролова Л. Рисковое дело. *Business Excellence*. 2017;12:14–17.
70. Кузнецов АВ. Зарубежные инвестиции российских компаний: конкуренция с западноевропейскими и восточноазиатскими ТНК. *Вестник Российской академии наук*. 2016;86(3):203–214.
71. Барбаш НБ, Бернштам МС, Библер ВС, Гаазе-Рапопорт МГ. *Прогнозное социальное проектирование (теоретико-методологические и методические проблемы)*. Москва: Наука; 1994.
72. Гуревич ПС. Скорбное прощание с экспертизой. *Философия и культура*. 2014;12:1707–1717.
73. Горшков МА. Российское общество в условиях кризисной реальности: внутренние и внешние факторы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:24–43.
74. Порфирьев БН. Снижение климатических рисков экономического развития (Россия – Дальний Восток). *Экономика и управление*. 2009;1:13–17.
75. Зорина АЕ, Мозговая АВ. Экологические риски в сфере ответственности предпринимательства. *Социологический журнал*. 2015;21(2):92–113.
76. Гуськова ЕЮ. Кризис на Балканах. *Вестник РГНФ*. 1999;3:140–148.
77. Щербин ВК. Новые научные дисциплины и направления в сфере изучения рисков. *Наука и инновации*. 2017;7:45–50.
78. Щербин ВК. Критерии определения удельного веса рисков в научных исследованиях. *Наука и инновации*. 2018;1:47–52.
79. Крымская АС. Информационно-аналитические центры в системе принятия решений на государственном уровне. *Вестник Российской академии наук*. 2016;86(12):1121–1127.
80. Десятов ИВ, Малинецкий ГГ, Маненков СК, Митин НА, Отоцкий ПЛ, Ткачев ВН, Шишов ВВ. Когнитивные центры как информационные системы для стратегического прогнозирования. *Информационные технологии и вычислительные системы*. 2011;1:65–81.
81. Имидж России в современном мире (по материалам круглого стола журнала «Вестник аналитики»). *Россия и мусульманский мир*. 2010;6:5–23.

References

1. Shcherbin VK. Who studies crises and risks? Scientific resources of the world analytics. *Journal of Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:35–47. Russian.
2. Korolev MI. *Ekonomika. Riski. Zashchita* [Economics. Risks. Defence] [dictionary-reference]. Moscow: Ankil; 2008. Russian.
3. Kondakov NI. *Logicheskii slovar'* [The logic dictionary]. Moscow: Nauka; 1971. Russian.
4. Ryzhov VA. [Analytics and expertise in the information society]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic strategies]. 2018;2:140–155. Russian.
5. Belousov D. Analytics in the customs affair. *Tamozhennyj vestnik* [The customs herald]. 2014;1:36–37. Russian.
6. Dancer K, Tan E, Molh D. *Analitika. Sistemicheskii obzor* [Analytics. Systematic review]. Moscow: Khimiya; 1981. Russian.
7. Terenya GV. *Vvedenie v analitiku* [Introduction to analytics]. Minsk: Bonem; 2015. Russian.
8. Tereshchenko SS. The role of informational and analytic infrastructure in the working out and realization of science development strategies. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2, Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific-technical information. Series 2, Information processes and systems]. 2016;11:12–19. Russian.
9. Kurginyan SE. *Slabost' sily. Analitika zakrytykh elitnykh igr i ee kontseptual'nye osnovaniya* [The weakness of force. The analytics of closed elite games and its conceptual foundations]. Moscow: Mezhdunarodnyi obshchestvennyi fond «Eksperimental'nyi tvorcheskii tsentr»; 2007. Russian.

10. Cherenkov VI. [Preface to the Russian edition]. In: Dzhilad B. *Konkurentnaya razvedka. Kak raspoznavat' vneshnie riski i upravlyat' situatsiei* [The competition intelligence service. How to recognize external risks and manage of situation]. Saint Petersburg: Piter; 2010. p. 5–10. Russian.
11. Dean M. *Governmentality: power and rule in modern society*. London: Sage; 1999.
Russian edition: Dean M. *Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh*. Moscow: Delo; 2016.
12. Osipov YS, editor. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya; 2005. Russian.
13. Shcherbin VK. [The structure of the modern Slavic conceptography]. In: Pimenova MV, Terkulov VI, editors. *Sovremennaya lingvistika i issledovaniya mental'nosti v XXI veke* [Modern linguistics and research of mentality in the XXI century: to 80 years of professor V. V. Kolesov]. Kyiv: Izdatel'skii dom D. Burago; 2014. p. 110–135. Russian.
14. Ovcharenko VI. [The analytic]. In: Ovcharenko VI, Grytsanov AA, editors. *Psikhoanaliz: noveishaya entsiklopediya* [Psychoanalysis: the modern encyclopedia]. Minsk: Knizhnyi dom; 2010. p. 44. Russian.
15. Borradori J. *Amerikanskii filosof: besedy s Kuainom, Davidsonom, Patnemom, Nozikom, Danto, Rorti, Keivlom, MakIntairom, Kunom* [The American Philosopher: Conversations with Quain, Davidson, Pathnem, Nozik, Danto, Rorty, Keivl, MacIntair, Kuhne]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; 1998. Russian.
16. Zhukovskaya NY. [The analytic jurisprudence]. In: Suharev AY, editor. *Rossiiskaya yuridicheskaya entsiklopediya* [The Russian legal encyclopedia]. Moscow: Infa-M; 1999. p. 43–44. Russian.
17. Marshakova-Shaivovich IV. *Rossiya v mirovoi nauke. Bibliometricheskii analiz* [Russia in the world science. Bibliometric analysis]. Moscow: Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences; 2008. Russian.
18. Ivanov VV, Markusova VA, Mindeli LE. The state investments and the publication activity of universities: the bibliometric analysis. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Vestnik of the Russian Academy of Sciences]. 2016;86(7):611–619. Russian.
19. [Gartner about the role of analytics]. *Innovatsii v tekhnologiyakh i biznese* [Innovations in Technologies and Business]. 2012;1:3–4. Russian.
20. Jurkova IL. *Bioanalitika* [Bioanalytics]. Minsk: BSU; 2017. Russian.
21. Red'kina NS. [Trends of the development of web-analytics instruments]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2, Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific-Technical Information. Series 2, Information processes and system]. 2017;5:5–10. Russian.
22. Shcherbakov AJ. *Internet-analitika: poisk i otsenka informatsii v web-resursakh* [Internet-analytics: the search and evaluation of information in the web-resources]. Moscow: Knizhnyi mir; 2012. Russian.
23. Abella A. *Soldaty razuma* [The Soldiers of Intellect]. Moscow: Eksmo; 2009. Co-published by the «AST». Russian.
24. Sokolov AV, editor. *Analitiko-sinteticheskaya pererabotka informatsii* [Analytic-synthetic processing of information: textbook]. Saint Petersburg: Professiya; 2016. Russian.
25. Aiden E, Michel J-B. *Uncharted: big data as a lens on human culture*. New York: Riverhead Books; 2013.
Russian edition: Aiden E, Michel J-B. *Neizvedannaya territoriya: kak «bol'shie dannye» pomagayut raskryvat' tainy proshlogo i predskazyvat' budushchee nashei kul'tury*. Moscow: AST; 2016.
26. Rastorguev S, Chibisov V. *Tsel' kak kriptogramma. Kriptoanaliz sinteticheskikh tselei* [The aim as cryptogram. Cryptoanalysis of syntetic aims]. Moscow: Izdatel'stvo agentstva «Yakhtemen»; 1996. Russian.
27. Sharabchiev JT. [Scientific medical journals: the history of formation and problems of development in Belarus]. *Meditsinskie novosti* [Medical news]. 2008;5:11–18. Russian.
28. Vojtovsky FG. The making of the world polisy intellectual space [cited 2018 May 2]. Available from: <http://gtmarket.ru/library/articles/1560>. Russian.
29. Ivanov DJ. *Formirovanie politicheskoi analitiki negosudarstvennykh analiticheskikh tsentrov v sovremennoi Rossii* [The formation of political analytics by non-state analytical centers in the modern Russia] [dissertation]. Saint Petersburg: [publisher unknown]; 2013. Russian.
30. Sidelnikov JV, Shalyshkin MI, Shevyrenkov MJ. [Review of foreign scenario prognosis and foresights: instruments of information management]. *Upravlenie bol'shimi sistemami* [Management of big systems]. 2014;51:26–59. Russian.
31. Porshnev AG, Kibanov AY, Gunin VN, editors. *Upravlenie organizatsiei* [The organizational management] [encyclopedia dictionary]. Moscow: Infa-M; 2001. Russian.
32. Dmitriev EI. [The Analyst]. In: Danilov AN, editor. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [The sociological encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja P. Browki; 2003. p. 18. Russian.
33. Tishkov VA. [The Soviet Ethnography: overcoming of crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic survey]. 1992;1:5–20. Russian.
34. Zankovec VE. *Entsiklopediya testirovanii* [The encyclopedia of tests]. Moscow: Sport; 2016. Russian.
35. Markova VD, Kuznecova SA. *Strategicheskii menedzhment: ponyatiya, kontseptsii, instrumenty prinyatiya reshenii* [The strategic management: notions, concepts, instruments of taking of solutions]. Novosibirsk: NSU; 2010. Russian.
36. Galbraith J. *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The new industrial state]. Moscow: Progress-Traditsiya; 1969. Russian.
37. Mazur II, Chumakov AN, editors. *Globalistika* [Globalistics] [encyclopedia]. Moscow: Raduga; 2003. Russian.
38. Astrahantseva IA, Kojupchenko IN. The financial analytics of risk-management: the generalization and development of experience. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial analytics: problems and decisions]. 2015;25:55–67. Russian.
39. Egorov VV, Rahman'ko EM. [Analytical chemistry]. In: Pashkov GP, editor. *Respublika Belarus'* [Republic of Belarus] [encyclopedia]. Vol. 2. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja P. Browki; 2006. p. 96. Russian.
40. Danilov-Danil'yan VI, Losev KS, editors. *Ekologicheskaya entsiklopediya* [Ecological encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Entsiklopediya; 2014. Russian.
41. Yakovlev A, Freinkman L, Zolotov A. The independent economic thinks tanks in Russia: evolution and developmental prospects. *Voprosy ekonomiki* [The problems of economy]. 2015;8:73–98. Russian.
42. Johansson F. *Effekt Medichi: vznikenie innovatsii na styke idei, kontseptsii i kul'tur* [The Medici effect: breakthrough insights at the intersection of ideas, concepts, and cultures]. Moscow: I. D. Vil'yams; 2008. Russian.
43. Phomichev AN. *Risk-menedzhment* [The risk-management]. 5th edition. Moscow: Dashkov I K; 2018. Russian.

44. Franks B. *Revolutsiya v analitike: kak v epokhu Big Data uluchshit' vash biznes s pomoshch'yu operatsionnoi analitiki* [The analytics revolution: how to improve your business by making analytics operational in the Big Data era]. Moscow: Intellektual'naya literatura; 2017. Russian.
45. Davenport T. [Preface to author]. In: Franks B. *Revolutsiya v analitike: kak v epokhu Big Data uluchshit' vash biznes s pomoshch'yu operatsionnoi analitiki* [The analytics revolution: how to improve your business by making analytics operational in the Big Data era]. Moscow: Intellektual'naya literatura; 2017. p. 19–22. Russian.
46. Ageev A, Loginov E. [The new big war: chronicles of the good forgotten future]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies]. 2014;6–7:16–33. Russian.
47. Malgan J. *Iskusstvo gosudarstvennoi strategii: mobilizatsiya vlasti i znaniya vo imya vseobshchego blaga* [The art of state strategy: mobilization of the power and knowledge in the name of common good]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2011. Russian.
48. Arsky JM, Jashukova SP. The methodic aspects of information-analytical ensuring for the prognosis of scientific-technical development. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1* [Scientific-technical information. Series 1]. 2010;8:14–18. Russian.
49. Danilov-Danil'yan VI, Losev KS. *Ekologicheskii vyzov i ustoichivoe razvitie* [The ecological challenge and the steady development]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. Russian.
50. Bechmann G, Gorohov VG. The social-philosophical and methodological problems of treatment to technological risks in the modern society. *Voprosy filosofii* [The problems of philosophy]. 2012;7:120–132. Russian.
51. Porus VN. [The valuation of «Technology assessment» in western philosophy and methodology]. In: *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki* [Philosophy and sociology of science and technology] [yearbook, 1987]. Moscow: Nauka; 1987. p. 249–275. Russian.
52. Zavriev SK, Kolesnikov AV. Pisks and threats in biosecurity area: problem analysis and search for optimal solutions in contemporary conditions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [The world economics and international relations]. 2015;9:57–68. Russian.
53. Kokoshin AA. *Tekhnokratiya, tekhnokraty i neotekhnokraty* [Technocracy, technocrats and neotechnocrats]. Moscow: LKI; 2009. Russian.
54. Komissina IN. *Nauchnye i analiticheskie tsentry stran Azii* [Scientific and analytical centers of Asian countries]. Moscow: Publishing house of the RISS; 2013. Russian.
55. Vojtolovsky FG, Bernstein VS, Simonov AN. The analytical center [cited 2018 May 2]. Available from: <http://gtmarket.ru/concepts/7296>. Russian.
56. Balayan AA, Sungurov AJ. *Fabriki mysli: mezhdunarodnyi i rossiiskii opyt* [Think tanks: international and Russian experience]. Saint Petersburg: Otdel operativnoi poligrafii NIU VShE; 2014. Russian.
57. Jutanov N. [Interdisciplinary manufactures and intellectual conveyor]. In: Dikson P. *Fabriki mysli* [Think tanks]. Moscow: AST; 2004. p. 5–6. Russian.
58. Solodovnikov S, Chernysh S. [The Western think tanks]. *Nash sovremennik*. 2008;12:233–237. Russian.
59. Pereslegin S. [«Clever tanks» in the defence and coming]. In: Dikson P. *Fabriki mysli* [Think tanks]. Moscow: AST; 2004. p. 488–505. Russian.
60. Ter-Arutjunjants G. About «think tanks» [cited 2018 May 2]. Available from: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2597&print=Y. Russian.
61. Meyer M. The analytical centers in the system of Russian democracy [cited 2018 May 2]. Available from: http://old.russ.ru/antolog/predely/1/iz_knigi.htm. Russian.
62. Belyaeva NJ, Zaytsev DG. «Think tanks» in the Russia and western countries: the comparative analysis. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [The world economics and international relations]. 2009;1:26–35. Russian.
63. Laumulin M. [Who and where on the West and on the East studies Central Asia]. *Kontinent*. 2005;2:1–7 [cited 2018 May 2]. Available from: <http://www.centrasia.ru/newsA/php?st=1108171020>. Russian.
64. Burlinova N. Which «think tanks» are better? *Stoletie* [web-newspaper] [cited 2018 May 2]. Available from: <http://www.stoletie.ru/print.php?ID=33413>. Russian.
65. Kurylev KP, Gavrikova KV, Pospelova EA. Expert-analytical centers in the Ukraine: character and peculiarities. *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»* [Vestnik RUDN. Series «International relations»]. 2015;15(3):99–109. Russian.
66. Filippov A. [The fortune of expert]. *Otechestvennye zapiski*. 2003;1:1–7 [cited 2018 May 2]. Available from: <http://www.strana-oz/2003/1/uchast-eksperta>. Russian.
67. Ionin L. [Technologies of success. Without political analysts and consultants elections in Russia today not will be wined]. *Nezavisimaya gazeta*. July 5 1996:5. Russian.
68. Preobrazhensky I. «Think tanks» under lock and key [cited 2018 May 2]. Available from: www.rosbalt.ru/maim/2009/04/10/632818/html. Russian.
69. Phrolova L. [Risk's affair]. *Business Excellence*. 2017;12:14–17. Russian.
70. Kuzhnetsov AV. [Foreign investments of Russian companies: competition with the West European and East Asian TNC]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Vestnik of the Russian Academy of Sciences]. 2016;86(3):203–214. Russian.
71. Barbash NB, Bernshtam MS, Bibler VS, Gaaze-Rapoport MG. *Prognoznoe sotsial'noe proektirovanie (teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy)* [Prognostic social projecting (theoretical-methodological and methodical problems)]. Moscow: Nauka; 1994. Russian.
72. Gurevich PS. The mournful farewell to expertise. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. 2014;12:1707–1717. Russian.
73. Gorshkov MA. The Russian society in the conditions of crisis's reality: internal and external factors. *Journal of Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:24–43. Russian.
74. Porfiryev BN. The climatic risks deterioration of economic development (Russia – The Far East). *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management]. 2009;1:13–17. Russian.
75. Zorina AE, Mozgovaya AV. Ecological risks as the sphere of business responsibility. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. 2015;21(2):92–113. Russian.

76. Gus'kova EJ. The crisis at the Balkans. *Vestnik RGNF* [Vestnik of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]. 1999;3:140–148. Russian.
77. Shcherbin VK. The new scientific disciplines and trends in the sphere of risks studying. *Nauka i innovatsii* [Science and innovations]. 2017;7:45–50. Russian.
78. Shcherbin VK. The criteria for determining the risk rate in scientific research. *Nauka i innovatsii* [Science and innovations]. 2018;1:47–52. Russian.
79. Krymskaya AS. Informational-analytical centers in the system of taking of solutions on the state level. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Vestnik of the Russian Academy of Sciences]. 2016;86(12):1121–1127. Russian.
80. Desyatov IV, Malinetsky GG, Manenkov SK, Mitin NA, Ototsky PL, Tkachev VN, Shishov VV. Cognitive centers as information systems for strategic forecasting. *Informatsionnye tekhnologii i vychislitel'nye sistemy* [Information technologies and calculating systems]. 2011;1:65–81. Russian.
81. Image of Russia in contemporary world (on the materials of journal «Vestnik analytiki» round table). *Rossiia i musul'manskii mir* [Russia and Moslem world]. 2010;6:5–23. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.06.2018.
Received by editorial board 12.06.2018.